

К МИРУ

Товарищ мой всю жизнь ходил в шинели,
Пошитой из шершавого сукна.

Глубокими следами от шрапнели

Ему лицо пометила война.

Товарищ мой теперь в запас зачислен,

Проснулись в нем заветные мечты:

Полковник сел за краски и за кисти—

Он прошлое наносит на холсты.

Вот на холсте фигура часового

За мутной пленкой частого дождя.

Плечистый парень в форме рядового

Хранит покой великого вождя.

А вот бойцы идут из окруженья

Тропинкою затерянной лесной.

И в лицах их и горечь поражения,

И вера в новый и победный бой.

Вот кавалер медали «За отвагу»

Читает вслух письмо от «стариков»,

А вот оно и знамя над рейхстагом

На фоне серебристых облаков.

И сб эскизах этих и полотнах

Мы с автором весь вечер говорим.

Мой собеседник делится охотно

Продуманным желанием своим:

«Пусть в памяти людской неугасимо

Живут войны тяжелые года,

Чтоб атомного горя Хиросимы

Другие не узнали города».